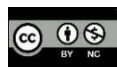

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2026-4-142-168

Особенности самооценки и притязаний младших школьников из России и Казахстана

Н.В. Иванова

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: ivanova30nv@yandex.ru*

О.В. Суворова

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
Нижний Новгород, Российская Федерация;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация;
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
Рязань, Российская Федерация.
E-mail: olgavenn@yandex.ru*

И.А. Шадрина

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: rusakova.ir2019@yandex.ru*

А.Б. Акпаева¹, Л.А. Лебедева²

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, Республика Казахстан.
E-mail: ¹akpaeva@mail.ru; ²larissalewk@mail.ru*

✉ ivanova30nv@yandex.ru

Аннотация. Введение. Актуальность исследования особенностей самооценки младших школьников из России и других стран обусловлена, с одной стороны, необходимостью учета в образовательном процессе всех детерминант личностного развития ребенка, и в частности влияния культуры как фактора макроуровня, с другой стороны – дефицитностью исследований, выявляющих культурно-специфические особенности самооценки российских детей, обучающихся в начальной школе. Цель – кросс-культурный анализ особенностей самооценки и притязаний у десятилетних младших школьников из городских общеобразовательных школ России и Казахстана. Методоло-

гия, методы и методики. Теоретико-методологической основой исследования выступили культурно-историческая теория развития психики Л. С. Выготского и сравнительно-сопоставительный принцип как базовый для кросс-культурных анализов. В исследовании приняли участие 600 респондентов (по 300 младших школьников из России и Казахстана) с одинаковым числом мальчиков и девочек в каждой выборке (по 150 человек). В качестве диагностического инструментария применялась методика измерения самооценки и уровня притязаний Т. В. Дембо и С. В. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан. Статистическая значимость различий в самооценке и притязаниях младших школьников из России и Казахстана определялась с помощью *t*-критерия Стьюдента, χ^2 -критерия Пирсона. *Результаты и научная новизна.* Научной новизной обладают установленные культурно-специфические особенности самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана. Констатируется, что у российских десятилетних детей по сравнению с казахстанскими статистически значимо ниже средние значения общей и частных самооценок, но выше средние значения притязаний, при этом данная тенденция в большей степени выражена у девочек. Также установлены статистически значимые различия в распределении уровней самооценки: очень высокий уровень более выражен у казахстанских детей, а низкий – у российских. *Практическая значимость.* Полученные результаты целесообразно учитывать в практике образования и психолого-педагогического сопровождения младших школьников России и Казахстана.

Ключевые слова: самооценка, притязания, личностное развитие, младший школьник, кросс-культурный анализ, Россия, Казахстан, культурно-специфические особенности

Благодарности. Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам и редакторам журнала «Образование и наука» за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Иванова Н.В., Суворова О.В., Шадрина И.А., Акпаева А.Б., Лебедева Л.А. Особенности самооценки и притязаний младших школьников из России и Казахстана. *Образование и наука.* 2026;28(4):142–168. doi:10.17853/1994-5639-2026-4-142-168

Features of self-esteem and aspirations among younger schoolchildren from Russia and Kazakhstan

N.V. Ivanova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation.
E-mail: ivanova30nv@yandex.ru

O.V. Suvorova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation;
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service,
Ryazan, Russian Federation.
E-mail: olgavenn@yandex.ru

I.A. Shadrina

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation.
E-mail: rusakova.ir2019@yandex.ru

A.B. Akpayeva¹, L.A. Lebedeva²

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
E-mail: ¹akpayeva@mail.ru; ²larissalewk@mail.ru

✉ ivanova30nv@yandex.ru

Abstract. Introduction. The importance of studying the characteristics of self-esteem in primary school children from Russia and other countries is emphasised, on the one hand, by the need to consider all determinants of a child's personal development within the educational process – particularly the influence of culture as a macro-level factor – and, on the other hand, by the scarcity of research identifying culturally specific features of self-esteem in Russian primary school children. *Aim.* The present study aimed to conduct a cross-cultural analysis of the characteristics of self-esteem and aspirations among ten-year-old primary school children attending urban general education schools in Russia and Kazakhstan. *Methodology and research methods.* The theoretical and methodological foundation of the study was L. S. Vygotsky's cultural-historical theory of psychological development, alongside the comparative-contrastive principle, which is fundamental for cross-cultural analyses. The study involved 600 participants – 300 primary school children from Russia and 300 from Kazakhstan – with an equal number of boys and girls in each group (150 of each). The diagnostic tool employed was the method for measuring self-esteem and level of aspiration developed by T. V. Dembo and S. V. Rubinstein, as modified by A. M. Prikhodzhan. The statistical significance of differences in self-esteem and aspirations between primary school children from Russia and Kazakhstan was determined using Student's t-test and Pearson's chi-square test. *Results and scientific novelty.* The identified culturally specific characteristics of self-esteem and aspirations in primary school children from Russia and Kazakhstan constitute a scientific novelty. It was found that ten-year-old Russian children, compared to their Kazakhstani counterparts, have statistically significantly lower mean values of both general and specific self-esteem, but higher mean values of aspirations; this tendency is more pronounced in girls. Statistically significant differences were also observed in the distribution of self-esteem levels: a very high level is more prevalent among Kazakhstani children, whereas a low level is more common among Russian children. *Practical significance.* The results obtained should be taken into account in the educational practice and psychological-pedagogical support of primary school children in Russia and Kazakhstan.

Keywords: self-esteem, aspirations, personal development, primary school student, cross-cultural analysis, Russia, Kazakhstan, cultural-specific features

Acknowledgements. The authors thank the anonymous reviewers and editors of the Education and Science Journal for their assistance in preparing this article.

For citation: Ivanova N.V., Suvorova O.V., Shadrina I.A., Akpayeva A.B., Lebedeva L.A. Features of self-esteem and aspirations among younger schoolchildren from Russia and Kazakhstan. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal.* 2026;28(4):142–168. doi:10.17853/1994-5639-2026-4-142-168

Введение

Исследование самооценки как ядра самосознания личности, во многом определяющей психическое благополучие, эффективность социализации и самореализации человека, является одной из важнейших и фундаментальных задач психологической науки. Известно, что благоприятным и значимым периодом для становления самооценки выступает младший школьный возраст. Несмотря на существенный массив теоретико-прикладных исследований, раскрывающих сущность, структуру, детерминацию, функции и виды самооценки, ее онтогенез, возможности целенаправленного формирования в младшем школьном возрасте, отдельные вопросы в обозначенном проблемном поле остаются дискуссионными и недостаточно изученными. Анализ современных психолого-педагогических публикаций позволяет констатировать, что в настоящий момент крайне мало внимания уделено научному рассмотрению кросс-культурного аспекта самооценки российских младших школьников.

Этот факт, в свою очередь, указывает на существенное противоречие – между необходимостью учета в образовательном процессе различных факторов, определяющих развитие самооценки младших школьников, и дефицитностью исследований, выявляющих культурно-специфические особенности самооценки детей, обучающихся в начальной школе. Принимая во внимание доказательную эмпирическую базу культурной сензитивности самооценки, представленную в зарубежных и отечественных исследованиях преимущественно на выборках старшеклассников и студентов (Н. В. Лебедева, Е. Д. Васильева [1], D. P. Schmitt, J. Allik [2], Y. Wang, T. H. Ollendick [3]), считаем принципиально важным преодоление обозначенного противоречия.

В связи с этим целью нашей работы выступил кросс-культурный анализ особенностей самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана. Партнерские взаимоотношения названных стран определяют саму возможность реализации международного кросс-культурного психологического исследования с участием детей младшего школьного возраста. В то же время Россия и Казахстан имеют социально-экономические, культурные, религиозные особенности, что находит отражение в ряде стандартизированных показателей. Выраженное различие между странами зафиксировано по одному из основных социокультурных параметров, введенных G. Hofstede [4], – соотношению индивидуализма и коллективизма. По актуальным данным междисциплинарных международных исследований показатель индивидуализма в России составляет 46 баллов из 100, в Казахстане – 20¹, при этом отечественные авторы констатируют, что уровень индивидуализма в современной России существенно выше, особенно в крупных городах [5]. В сравнительных собственно психологических анализах также доказано, что предиктором большинства параметров субъективного благополучия в Казахстане выступает коллективизм, в России – индивидуализм (Н. Ж. Султаниязова [6], Р. М. Шамионов [7]). Названные отличия стали основанием для гипотезы: у младших школьников из России и Казахстана существуют культурно-специфические особенности личностного развития, в частности в показателях детской самооценки и притязаний.

Основными задачами работы выступили следующие:

- 1) изучение особенностей развития самооценки и притязаний у городских младших школьников в возрасте 10 лет из России и Казахстана;
- 2) определение гендерных различий в сфере самооценки и притязаний у десятилетних школьников из России и Казахстана;
- 3) выявление универсальных и культурно-специфических особенностей самооценки и притязаний, а также их взаимосвязей у младших школьников из России и Казахстана.

Необходимо отметить, что у представленного исследования есть некоторые ограничения. Во-первых, для обеспечения конгруэнтности выборок мы

¹ Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/individualistic-countries> (дата обращения: 10.03.2025).

сознательно ограничили контингент испытуемых из двух стран локализации и видом школ (городские общеобразовательные) и узким возрастным диапазоном (10 лет), поэтому полученные результаты можно экстраполировать только на идентичные детские группы. Во-вторых, в работе была использована только одна методика, основанная на принципе самоотчета ребенка, поскольку убедительно доказана высокая надежность получаемых результатов с помощью указанного способа диагностики («прямого оценивания») для детей 10–11 лет [8].

Обзор литературы

В современной психологической науке самооценка определяется как важнейший элемент самосознания личности, как составная часть «Я-концепции». В масштабных критических метаанализах, выполненных Н. L. Andrade [9], T. Pyszczynski et al. [10], установлена выраженная вариативность в дефинициях самооценки, в трактовке ее природы и функций. Как отмечают ученые, в настоящий момент психология находится лишь на пути к интегрированной теории самооценки [10]. Однако, несмотря на разнообразие мнений относительно сущности рассматриваемой категории, большинство исследователей полагают, что самооценка является динамическим конструктом и, прежде всего, отражает индивидуальное восприятие и познание себя, а также фундаментальные свойства личности, ее направленность и активность.

Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского источником психического развития человека является социальная ситуация, а следовательно, становление самооценки происходит непосредственно в общении и взаимодействии со значимыми людьми в процессе присвоения существующих в определенной культуре образцов, норм и ценностей, интериоризации эталонов и критериев внешних оценок.

Одним из наиболее важных и сензитивных периодов развития самооценки в онтогенезе выступает младший школьный возраст. Как отмечал Л. С. Выготский, именно в семилетнем возрасте у ребенка начинает формироваться устойчивое (внеситуативное) и дифференцированное отношение к себе [11]. В дальнейшем позиция ученого нашла подтверждение в целом ряде исследований советских психологов (Т. Ю. Андрущенко, М. М. Абрамова, Л. И. Божович, А. В. Захарова, А. И. Липкина, И. И. Чеснокова, Д. Б. Эльконин); были получены эмпирические данные, свидетельствующие о том, что на этапе обучения в начальной школе у ребенка происходит интенсивное становление целостного образа самого себя, активно развивается отношение к собственной личности как к объекту познания, формируются навыки оценки своей учебной деятельности, являющейся ведущей в психическом развитии младшего школьника.

В настоящий момент учеными из разных стран исследован широкий спектр значимых аспектов проблемы развития самооценки современного младшего школьника. Доказана взаимосвязь низкой самооценки и повышенного уровня тревожности у детей младшего школьного возраста (Е. С. Донско-

ва [12], Н. М. Копылова, И. В. Фаустова, Л. Ю. Комлик [13], N. Ivanova, T. Sorokina [14], L. Hollenstein, C. M. Rubie-Davies, C. Brühwiler [15]). Установлено, что самооценка ребенка на этапе начального образования в значительной степени коррелирует с его адаптацией к школе (L. Herrera, M. Al-Lal, L. Mohamed [16], Т. А. Егоренко, А. В. Лобанова, Н. П. Радчикова [17]), определяя успешность социализации со сверстниками и учителями и прогнозирует академическую успеваемость (Y. Wang, E. S. Huebner, L. Tian [18], J. Guo, H. W. Marsh, P. D. Parker, T. Dicke [19], Y. Gao, F. Ali [20], Q. Yang, L. Tian, E. S. Huebner, X. Zhu [21]). Выявлено, что существенный разрыв между уровнем притязаний и самооценкой младшего школьника, демонстрирующий конфликт между тем, к чему ребенок стремится, и тем, что он считает возможным, способствует появлению различных проблем в поведении у детей (Т. А. Егоренко, А. В. Лобанова, Н. П. Радчикова [17]). Также проанализированы и верифицированы педагогические и психологические условия оптимизации самооценки ребенка в процессе его начального школьного образования. Доказана эффективность ряда методов и приемов по преодолению неадекватности детской самооценки: разработка портфолио достижений, моделирование ситуаций успеха в учебной деятельности (Е. Г. Гуцу, С. И. Арусланова, Т. А. Рунова [22], А. D. Syzdykbayeva с соавт. [23]), организация рефлексии и саморефлексии, в том числе с помощью специальных алгоритмов (Н. Ли [24], Р. А. Набуова, Р. К. Измагамбетова [25], N. V. Ivanova, O. V. Suvorova [26]), проведение тренингов уверенности (F. Aghaeifar, A. Nourib, A. Aghaeic [27]).

Однако, несмотря на существенный массив теоретико-прикладных исследований самооценки младших школьников, значимость дальнейшего многоаспектного изучения этого сложного конструкта применительно к обучающимся начальных классов, и в частности его детерминант, не снижается. Актуальность проблемы во многом обусловлена тем фактом, что в современных исследованиях констатируется существенное число российских младших школьников с неадекватной самооценкой. Так, в работе Е. Г. Гуцу, С. И. Аруслановой и Т. А. Руновой с помощью комплекса диагностических методик («Какой я?» А. И. Липкиной, «Лесенка» В. Г. Щур, «Три оценки» М. Кун) установлено, что адекватной самооценкой обладают только около половины из 72 детей 8–9 лет, более трети (33,8 %) имеют заниженную самооценку [22]. В исследовании С. А. Мустафаевой на основе методики «Какой я?» А. И. Липкиной выявлено, что из 557 учеников начальной школы у 43 % детей низкая самооценка [28]. В констатирующем эксперименте с участием 106 детей в возрасте 9–10 лет, проведенном Е. И. Мордаковой, К. С. Смирновой, Г. В. Кухтеринной с помощью методики «Изучение общей самооценки» Г. Н. Казанцевой, установлено, что неадекватная самооценка свойственна 47 % младшим школьникам, при этом у 14 % – самооценка заниженная [29]. В работе Н. М. Копыловой, И. В. Фаустовой, Л. Ю. Комлик [13] на выборке из 132 четвероклассников (средний возраст 10 лет) на основе применения методики измерения самооценки Т. В. Дембо и С. В. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан констатируется, что

нормальный уровень самооценки свойственен только 25 % детей, преобладающее число школьников имеют завышенный уровень самооценки – 48 %, около трети респондентов демонстрируют заниженный уровень самооценки – 27 %. Следует отметить, что эмпирические расхождения в перечисленных исследованиях обусловлены диагностическим инструментарием, конкретным возрастом детской выборки, но в целом демонстрируют определенную негативную тенденцию к неадекватности самооценки у значительного числа российских младших школьников. В исследованиях самооценки младших школьников из Казахстана также отмечается аналогичная тенденция [23; 25]. Так, A. D. Syzdykbayeva с соавт. с помощью диагностической программы, охватывающей когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты самооценки, установили, что из 107 младших школьников 40 % из контрольного и 35 % из экспериментального класса имеют низкий уровень самооценки [23].

Констатируемая учеными неадекватность самооценки у существенного числа учеников начальной школы имеет целый ряд негативных последствий для личностного развития детей, при этом менее благоприятный прогноз связан с негативной, заниженной самооценкой. Как подчеркивает Е. И. Мордакова с соавт., у младших школьников с низкой самооценкой не происходит достаточного развития самостоятельности, поскольку им свойственно избегать ответственности за свои действия, полагаясь на помощь других [29]. В лонгитюдном исследовании Q. Yang с коллегами доказано, что негативная самооценка снижает уровень субъективного благополучия у обучающихся в начальных классах [21]. S. A. Lent, J. F. McDonough констатируют, что уже начиная с младшего школьного возраста (а не с подросткового, как утверждалось ранее) у детей с низкой самооценкой в качестве компенсационной стратегии начинает проявляться девиантное поведение [30].

Что же определяет становление самооценки ребенка младшего школьного возраста? Анализ психолого-педагогических публикаций позволяет говорить о ее многофакторной детерминации. В качестве наиболее значимых факторов, существенно воздействующих на самооценку младшего школьника, в современных исследованиях названы: родительский стиль воспитания и семейный микроклимат, оценочная деятельность учителя и особенности его общения с детьми, фактор гендера.

S. A. Lent, J. F. McDonough [30] и Y. Wang et al. [18] подтверждено, что эмоциональная сплоченность родителей и детей (особенно матери и ребенка), положительная самооценка родителей, поддерживающая ребенка семейная среда значимо влияют на адекватность самооценки младшего школьника.

Убедительно доказано, что эмоциональная поддержка педагога, создаваемая им благоприятная обстановка в классе, обоснованная и многокритериальная оценка учебных результатов помогают развивать позитивную самооценку у обучающегося в начальной школе (Э. А. Пирмагомедова с соавторами [31], Y. Gao, F. Ali [20]).

Результаты изучения влияния фактора гендера на самооценку детей младшего школьного возраста не столь однозначны. Относительно взрослых испытуемых из разных стран и культур преобладающим большинством исследователей констатируется более высокий уровень самооценки у мужчин, чем у женщин, при этом многими учеными подчеркивается, что данный гендерный разрыв начинает проявляться в подростковом возрасте. Примером подобного масштабного исследования гендерных различий в самооценке взрослых респондентов, является работа W. Bleidorn, R. C. Arslan, J. A. Denissen et al., выполненная на выборке из 985 937 участников из 48 стран [32]. L. Herrera, M. Al-Lal, L. Mohamed [16], S. A. Lent, J. F. McDonough [30], K. Vijayakumari, K. Soumya [33], N. Pushpalatha, K. S. Roopa, D. Sairabanu [34] установлено, что статистически значимая гендерная разница в самооценке характерна уже для младшего школьного возраста, когда мальчики 9–11 лет оценивают себя выше, чем сверстницы девочки. Интерпретируя данный факт, выявленный на выборке индийских детей, K. Vijayakumari и K. Soumya отмечают, что он может быть обусловлен культурными традициями общества, которые отдают предпочтение мальчикам, а не девочкам [33].

В исследовании Т. А. Егоренко, А. В. Лобановой, Н. П. Радчиковой [17], выполненном на выборке из 2030 обучающихся от 9 до 11 лет из различных регионов России, статистически значимых различий в самооценке между мальчиками и девочками не установлено, что подтверждается и другими авторами [35]. Таким образом, гендерная детерминация особенностей самооценки у детей младшего школьного возраста является дискуссионным вопросом в современной психологии.

Проанализировав психолого-педагогические исследования, раскрывающие основные детерминанты самооценки учащихся начальной школы, приходится констатировать крайне малое количество научных публикаций, посвященных рассмотрению влияния культуры как макроуровневого фактора на самооценку младших школьников, особенно это касается выборок российских детей. Сравнительных исследований особенностей самооценки современных российских младших школьников и учеников начальных классов из других стран нами не обнаружено.

Особое значение и научный интерес в контексте рассматриваемой нами проблематики имеет диссертационное исследование Ш. Б. Алиевой, анализирующее этнопсихологические особенности самооценки детей младшего школьного возраста казахской и русской национальностей, проживающих в сельской местности Казахстана¹. Автором констатировано, что этнокультурной детерминантой самооценки младших школьников казахской национальности является безусловная ориентировка на авторитетное мнение старших и соответствие поведения ребенка требованиям и нормам послушания, принятым в традиционной казахской культуре. Для младших школьников русской

¹ Алиева Ш.Б. *Этнопсихологические особенности самооценки в младшем школьном возрасте: на материале сельских детей Казахстана*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 24 с.

национальности базисом самооценки выступают содержательные критерии, определяющие возможность отстаивания собственной позиции. Также ученым было установлено, что в выборке русских детей преобладает средняя степень самооценки удовлетворенности собой, а в группе казахских младших школьников – высокая степень. Данный факт интерпретируется автором как культурно обусловленный: строгая нормативность социальных правил общезжития, характерная для исламских стран, обеспечивает казахским детям чувство уверенности в себе, поскольку они точно знают, когда, где и как себя вести. Реализация нормативного поведения, в свою очередь, обуславливает положительную самооценку, а также ожидание одобрения со стороны значимых взрослых. Полученные Ш. Б. Алиевой более чем четверть века назад (в 1998 году) результаты имеют бесспорную научную ценность, но требуют сопоставления с актуальными на настоящий момент эмпирическими данными.

Современные исследования, доказывающие влияние культурного контекста на самооценку, выполнены преимущественно на когортах подростков, студентов, взрослых представителей разных профессий. В работе М. Becker et al. [36] обосновано, что самооценка 4852 подростков из 20 культурных групп базируется не столько на личных ценностях, сколько на соответствии ценностным приоритетам, преобладающим в их культурной среде. Кросс-секционный и лонгитюдный анализ позволили авторам подтвердить, что основы позитивного отношения к себе формируются коллективно и предсказуемо зависят от культурно-нормативных ценностей.

В исследовании D. P. Schmitt, J. Allik [2] на основе анализа результатов диагностики самооценки 16 998 участников из 53 стран с помощью шкалы Розенберга (RSES), переведенной на 28 языков, констатировано, что основные составляющие глобальной самооценки – самокомпетентность и симпатия к себе – различаются в разных культурах. Представители культур, в которых преобладает коллективизм, как правило, демонстрируют более низкий уровень самокомпетентности и более высокий уровень симпатии к себе по сравнению с респондентами из культур с высоким индивидуализмом, для которых характерна обратная тенденция. Также в данном исследовании установлено, что показатели общей самооценки в странах Восточной Азии с коллективистской культурой ниже, чем в странах Запада с доминированием индивидуалистской культуры, что коррелирует с результатами более ранних сопоставительных анализов (H. R. Markus, S. Kitayama [37]).

В научной публикации Н. В. Лебедевой и Е. Д. Васильевой раскрыты статистически значимые различия в самооценке математических знаний и способностей («математической самооценке»), выявленные на выборке из 510 студентов из России и Киргизии, которые, по мнению авторов, могут быть объяснены аспектами культуры [1]. Более высокий уровень математической самооценки у студентов из России интерпретируется преобладанием показателей индивидуализма в российском обществе по сравнению с киргизским. Поскольку математика как точная наука требует индивидуальной работы,

концентрации персональных усилий, то «российские студенты, которые находятся в более индивидуалистичном обществе, с более высоким показателем автономии, комфортнее чувствуют себя, выполняя индивидуальные задания» [1, с. 11–12], и их оценка собственной математической компетенции в гораздо меньшей степени зависит от мнения других.

Обобщая результаты теоретического анализа, подчеркнем, что, несмотря на высокую актуальность изучения самооценки российских младших школьников, обусловленную сензитивностью данного возрастного периода для развития самосознания и «Я-концепции», влиянием самооценки на личностную тревожность, адаптацию к школе, академическую успешность и поведенческие особенности учеников начальных классов, а также существенным числом детей 7–11 лет, демонстрирующих неадекватную самооценку, кросс-культурный аспект самооценки современных младших школьников из России в сравнительных исследованиях с другими странами практически не изучен.

Методология, материалы и методы

В качестве теоретико-методологического базиса исследования выступили культурно-историческая теория развития психики Л. С. Выготского [11] и сравнительно-сопоставительный принцип как ведущий в кросс-культурных психологических исследованиях [2].

При планировании и составлении выборок испытуемых в каждой из стран учитывался ряд фактов. Во-первых, принимая во внимание доказанное в масштабных психологических исследованиях положение, что для оценки достоверных возрастных и гендерных эффектов внутри и между культурами необходимо не менее 100 участников в каждой группе [32], в нашей работе было задействовано по 300 младших школьников из России и Казахстана, при этом число мальчиков и девочек в каждой из групп было одинаковым и репрезентативным (соответственно по 150 человек). Общая экспериментальная выборка составила 600 детей. В национальном аспекте каждая из выборок более чем на 90 % была представлена основным этносом (русские и казахи).

Во-вторых, мы основывались на необходимости нивелирования различий в условиях обучения респондентов при выполнении кросс-культурных сравнений в сфере образования, что акцентировано в работе Т. Н. Тихомировой, С. Б. Малых [38]. В связи с этим для обеспечения конгруэнтности выборок к участию в исследовании привлекались дети только из городских школ России и Казахстана, поскольку в обеих странах существенны различия в условиях и качестве образования в городах и сельской местности (что обосновано в ряде научных публикаций) и, кроме того, имеются эмпирические доказательства особенностей самооценки у городских и сельских школьников (Е. В. Гольберт, Л. Р. Толстых [39]). Также для «уравнивания» средовых факторов контингент испытуемых был целенаправленно ограничен обучающимися общеобразовательных школ (лицеи, гимназии, школы для одаренных детей и т. п. не рассматривались). Российская детская выборка включила в себя младших школьников

из 7 школ г. Нижнего Новгорода, выборка из Казахстана была сформирована на базе 4 школ г. Алматы. Участники исследования из двух стран получают образование в классах с примерно одинаковой численностью детей (среднее число младших школьников, обучающихся в экспериментальных классах, из России – 28 человек, из Казахстана – 29).

В-третьих, возрастной диапазон участников был определен достаточно узко, в выборки включались только десятилетние дети (от 10 лет ровно и до 10 лет 11 месяцев).

Исследование в обеих странах было организовано при поддержке администрации образовательных учреждений и с письменным информированным согласием родителей младших школьников.

В качестве диагностического инструментария применялась методика измерения самооценки и уровня притязаний Т. В. Дембо и С. В. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан, вариант для детей 10–11 лет [8]. Выбор психодиагностической методики обусловлен возможностью измерения не только разных аспектов самооценки, но и притязаний ребенка и соотношений между ними, простотой процедуры, стандартизацией результатов по возрасту детей, а не по учебным годам, а также ее широким применением в современных исследованиях [13; 17; 35], что позволяет проводить сопоставление результатов. Согласно инструкции ученикам предлагается на специальных отрезках (шкалах) отметить уровень развития у себя ряда качеств, то есть выполнить их самооценку, а также обозначить желаемый для себя уровень выраженности этих же качеств (определить свои притязания).

С учетом билингвизма младших школьников из Казахстана (дети владеют и русским, и казахским языком, обучение ведется на русском языке) в данной выборке методика использовалась в оригинальной авторской версии на русском языке.

Анализ результатов диагностики осуществлялся с расчетом описательных статистик (средние значения и стандартные отклонения) и процентных показателей. Статистическая значимость различий определялась с помощью *t*-критерия Стьюдента, χ^2 -критерия Пирсона. В работе использовались прикладные программы MS Excel, SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

Результаты изучения показателей самооценки и притязаний младших школьников из России и Казахстана в средних значениях представлены в таблице 1.

Таблица 1
 Показатели самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана

Table 1
 Indicators of self-esteem and aspirations among primary school students in Russia and Kazakhstan

Параметры / Parameters	Россия / Russia	Казахстан / Kazakhstan	t-критерий Стьюдента, p / Student's t-test, p
	Среднее значение±Стандартное отклонение Medium±Standard deviation		
Самооценка / Self-esteem			
Характер / Personality	72,12±18,75	69,28±21,37	1,728, p = 0,084
Ум / Mind	68,30±16,95	73,72±17,98	3,794, p = 0,001
Способности / Abilities	65,65±21,42	76,01±20,67	6,029, p = 0,001
Авторитет у друзей / Authority among friends	70,46±21,42	74,79±21,99	2,443, p = 0,015
Красота / Beauty	68,47±22,56	71,38±24,01	1,530, p = 0,127
Уверенность / Confidence	67,59±23,93	74,60±22,10	3,729, p = 0,001
Общее среднее / General mean	68,81±15,37	73,30±14,42	3,743, p = 0,001
Притязания / Aspirations			
Характер / Personality	87,79±14,97	81,90±15,03	4,812, p = 0,001
Ум / Mind	87,92±13,73	84,74±13,24	2,891, p = 0,004
Способности / Abilities	85,47±15,90	84,37±14,21	0,891, p = 0,373
Авторитет у друзей / Authority among friends	88,23±16,76	82,49±14,35	4,506, p = 0,001
Красота / Beauty	86,25±16,95	82,94±15,79	2,475, p = 0,014
Уверенность / Confidence	87,07±17,55	87,45±12,66	0,301, p = 0,763
Общее среднее / General mean	87,12±11,43	83,98±9,66	3,585, p = 0,001

Исходя из границ адекватной (реалистичной) самооценки для десятилетних детей по методике Т. В. Дембо и С. В. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан (от 61 до 85 баллов), полученные средние показатели самооценки младших школьников России и Казахстана находится в пределах возрастной нормы. Российские дети наиболее высоко оценивают себя по показателю характера (72,12); авторитета у друзей (70,46). Казахстанские младшие школьники оценивают наибольшими баллами свои способности (76,01); авторитет у друзей (74,79) и уверенность (74,60).

Сравнительный анализ показывает, что казахстанские десятилетние школьники оценивают себя выше по сравнению с российскими детьми по

наиболее значимым параметрам социального благополучия и успешности: уму (73,72 / 68,30, $p = 0,001$); способностям (76,01 / 65,65, $p = 0,001$); авторитету у друзей (74,79 / 70,46, $p = 0,015$); уверенности (74,60 / 67,59, $p = 0,001$); отличия по указанным параметрам являются статистически значимыми. Российские школьники оценивают себя более высоко по сравнению с казахстанскими обучающимися начальной школы только по показателю характера (72,12 / 69,28, $p = 0,084$) на уровне статистической тенденции. Общая самооценка казахстанских младших школьников выше чем у российских детей на уровне существенной статистической значимости (73,30 / 68,81, $p = 0,001$).

Исходя из границ адекватных (реалистичных) притязаний для десятилетних детей в применяемой методике (от 68 до 97), полученные средние показатели притязаний младших школьников России и Казахстана находятся в пределах возрастной нормы. Сопоставление профилей притязаний младших школьников из России и Казахстана показывает обратное соотношение по сравнению с самооценкой: притязания российских младших школьников существенно выше на статистически значимом уровне по большинству показателей: характеру (87,79 / 81,90, $p = 0,001$); уму (87,92 / 84,74, $p = 0,004$); авторитету у друзей (88,23 / 82,49, $p = 0,001$); красоте (86,25 / 82,94, $p = 0,014$). Общий уровень притязаний российских младших школьников статистически значимо выше, чем у казахстанских детей (87,12 / 83,98, $p = 0,001$).

Степень расхождения между самооценкой и притязаниями у детей из обеих стран является умеренной (от 8 до 22 баллов), что характеризует норму; при этом для российских детей характерно более выраженное расхождение по сравнению со сверстниками из Казахстана (18,31 / 10,68).

Еще одним важным аспектом сравнительного анализа является распределение полученных эмпирических данных по уровням самооценки и притязаний. В методике Т. В. Дембо и С. В. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан выделяются четыре уровня, два из которых – средний и высокий – характеризуют адекватные (реалистичные) самооценку и притязания, остальные – очень высокий и низкий – демонстрируют неадекватные показатели самооценки и притязаний. Итоги распределения результатов диагностики по уровням самооценки и притязаний представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение уровней самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана

Table 2

Distribution of self-esteem and aspiration levels among primary school students in Russia and Kazakhstan

Страна / Country	Уровни / Levels (%)				χ ² -критерий Пирсона, p / χ ² -Pearson test, p
	очень высо- кий / very high	адекватный / adequate		низкий / low	
		высокий / high	средний / me- dium		
Самооценка / Self-esteem					
Россия / Russia	16,3	30,7	28,0	25,0	8,027, p = 0,045
Казахстан / Kazakhstan	19,7	38,8	21,8	19,7	
Притязания / Aspirations					
Россия / Russia	23,3	48,7	20,0	8,0	63,057, p = 0,001
Казахстан / Kazakhstan	3,0	60,0	32,7	4,3	

Таблица 2 иллюстрирует кросс-культурные статистически значимые различия в распределении уровней самооценки (при $p = 0,045$) и притязаний (при $p = 0,001$) у младших школьников из России и Казахстана. Очень высокий уровень самооценки более выражен у казахстанских младших школьников (19,7 % / 16,3 %), а низкий уровень у российских детей (25,0 % / 19,7 %). Адекватная самооценка, включающая в себя высокий и средний уровни, преобладает у десятилетних школьников из Казахстана (60,6 % / 58,7 %).

Низкий уровень притязаний слабо выражен, как у российских, так и у казахстанских младших школьников (8,0 % / 4,3 %); по очень высоким притязаниям значительно опережают российские дети (23,3 % / 3,0 %). Норма притязаний (высокий и средний уровни) существенно более выражена у младших школьников из Казахстана по сравнению с российскими детьми (92,7 % / 68,7 %).

Для изучения гендерных различий в сфере самооценки и притязаний у десятилетних школьников из России и Казахстана была выполнена стратификация общих экспериментальных выборок из каждой страны ($n = 300$) на равноценные по численному составу группы девочек и мальчиков ($n = 150$). Показатели самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана в зависимости от пола детей представлены в таблице 3. Для оценки статистической значимости различий в самооценке и притязаниях у девочек и мальчиков из двух стран использовался t- критерий Стьюдента.

Таблица 3
 Показатели самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана в зависимости от пола

Table 3
 Indicators of self-esteem and aspirations among primary school students in Russia and Kazakhstan by gender

Параметры / Parameters	Мальчики / Boys		p	Девочки / Girls		p
	Россия / Russia	Казахстан / Kazakhstan		Россия / Russia	Казахстан / Kazakhstan	
	М±σ	М±σ		М±σ	М±σ	
Самооценка / Self-esteem						
Характер / Personality	71,29±18,93	68,52±21,36	0,261	72,69±18,64	70,07±21,42	0,240
Ум / Mind	67,80±17,34	72,41±19,58	0,042	68,64±16,71	75,07±16,10	0,001
Способности / Abilities	67,00±21,38	75,15±22,20	0,002	64,71±21,45	76,91±18,96	0,001
Авторитет у друзей / Authority among friends	70,90±20,86	73,51±23,40	0,334	70,15±21,85	76,12±20,40	0,012
Красота / Beauty	69,57±19,87	70,29±25,27	0,797	67,70±24,27	72,51±22,65	0,068
Уверенность / Confidence	67,96±23,29	73,66±22,86	0,042	67,32±24,42	75,57±21,30	0,001
Общее среднее / General mean	69,15±14,91	72,35±15,65	0,085	68,57±15,70	74,41±13,01	0,001
Притязания / Aspirations						
Характер / Personality	87,32±14,51	83,20±14,37	0,019	88,11±15,30	80,53±15,62	0,001
Ум / Mind	86,38±14,75	85,67±12,71	0,669	88,98±12,90	83,76±13,73	0,001
Способности / Abilities	83,40±17,47	84,86±14,41	0,449	86,90±14,58	83,86±14,01	0,058
Авторитет у друзей / Authority among friends	88,95±15,72	82,81±15,54	0,001	87,72±17,46	82,14±13,03	0,002

Красота / <i>Beauty</i>	84,91±18,41	82,84±16,14	0,323	87,17±15,84	83,02±15,45	0,018
Уверен- ность / <i>Confidence</i>	86,48±18,33	87,09±12,78	0,745	87,48±17,03	87,81±12,55	0,843
Общее среднее / <i>General mean</i>	86,35±11,96	84,52±9,29	0,153	87,78±11,02	83,66±10,04	0,001

Примечание. $M \pm \sigma$ обозначает Среднее значение \pm Стандартное отклонение

Note. $M \pm \sigma$ denote Medium \pm Standard deviation

Результаты диагностики, отраженные в таблице 3, демонстрируют кросс-культурные особенности в самооценке и притязаниях у девочек и мальчиков из России и Казахстана. Наиболее существенные, в основном высокого уровня статистической значимости, различия по большинству параметров самооценки наблюдаются у девочек младшего школьного возраста. Казахстанские девочки более высоко оценивают себя по сравнению с российскими девочками по уму (75,07 / 68,64, $p = 0,001$); способностям (76,91 / 64,71, $p = 0,001$); уверенности (75,57 / 67,32, $p = 0,001$); наличию друзей (76,12 / 70,15, $p = 0,012$); по красоте на уровне тенденции (72,51 / 67,700, $p = 0,068$); а также по средней самооценке (74,41 / 68,57, $p = 0,001$). Подчеркнем, что самый высокий показатель самооценки из всей детской выборки (76,91) продемонстрирован казахстанскими девочками по параметру «способности».

По притязаниям, напротив, опережают российские десятилетние девочки по большинству шкал: характеру (88,11 / 80,53, $p = 0,001$); уму (88,98 / 83,76, $p = 0,001$); способностям (86,90 / 83,86, $p = 0,058$); наличию друзей (87,72 / 82,14, $p = 0,002$); красоте (87,17 / 83,02, $p = 0,018$); по общему показателю притязаний в целом (87,78 / 83,66, $p = 0,001$). Отметим, что самое высокое значение притязаний из всей детской выборки (88,98) характерно для российских девочек по параметру «ум».

Различия в самооценке и притязаниях мальчиков из двух стран существенно менее ярко выражены, и они в основном среднего уровня статистической значимости. Казахстанские мальчики более высоко оценивают себя по уму (72,41 / 67,80, $p = 0,042$); способностям (75,15 / 67,00, $p = 0,002$); уверенности (73,66 / 67,96, $p = 0,042$). Однако по общему среднему показателю различия в самооценке российских и казахстанских мальчиков не являются статистически значимыми ($p = 0,085$). Наиболее существенные различия в притязаниях российских и казахстанских мальчиков отмечаются по двум шкалам: характер (83,20 / 87,32, $p = 0,019$); наличие друзей (88,95 / 82,81, $p = 0,001$).

Отметим, что внутригрупповых статистически значимых различий между мальчиками и девочками России и Казахстана выявлено не было. В то же время статистически значимые различия в показателях самооценки и притязаний российских и казахстанских девочек позволяют рассматривать данную тенденцию как кросс-культурную.

Распределение уровней самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана в зависимости от пола представлены в таблице 4.

Таблица 4
 Распределение уровней самооценки и притязаний у младших школьников из России и Казахстана в зависимости от пола

Table 4
 Distribution of self-esteem and aspiration levels among primary school students in Russia and Kazakhstan by gender

Пол / Gender	Страна / Country	Уровни / Levels (%)				χ^2 -критерий Пирсона, p / χ^2 -Pearson test, p
		очень высокий / very high	адекватный / adequate		низкий / low	
	высокий / high		средний / medium			
Самооценка / Self-esteem						
Мальчики / Boys	Россия / Russia	17,1	30,9	30,9	21,1	p>0,05
	Казахстан / Kazakhstan	20,4	32,9	23,0	23,7	
Девочки / Girls	Россия / Russia	15,8	30,5	26,0	27,7	11,276, p = 0,010
	Казахстан / Kazakhstan	19,0	44,9	20,4	15,6	
Притязания / Aspirations						
Мальчики / Boys	Россия / Russia	21,1	48,8	19,5	10,6	33,918, p = 0,001
	Казахстан / Kazakhstan	2,0	64,7	29,4	3,9	
Девочки / Girls	Россия / Russia	24,9	48,6	20,3	6,2	30,651, p = 0,001
	Казахстан / Kazakhstan	4,1	55,1	36,1	4,8 %	

Из таблицы 4 следует, что распределение уровней самооценки у мальчиков младшего школьного возраста из России и Казахстана имеет сходный характер ($p > 0,05$). Фиксируется незначимая тенденция превышения у казахстанских мальчиков по сравнению с российскими крайних значений самооценки: очень высокой (20,4 % / 17,1 %) и низкой (23,7 % / 21,1 %).

Культурно-специфические различия в самооценке у девочек из двух стран, напротив, достаточно выражены ($p = 0,010$). У российских девочек по сравнению с казахстанскими более существенно выражена низкая самооценка (27,7 % / 15,6 %).

Значительные культурно-специфические особенности наблюдаются в распределениях уровней притязаний как у мальчиков ($p = 0,001$), так и у девочек ($p = 0,001$) из двух стран. Крайние уровни притязаний более ярко выражены как у российских мальчиков (21,1 % / 2,0 %), так и у российских девочек (24,9 % / 4,1 %) по сравнению с казахстанскими детьми. Тенденция к адекватности (реалистичности) в притязаниях (высокие и средние уровни притязаний) более выражена у казахстанских младших школьников, как у мальчиков (94,1 % / 68,3 %), так и у девочек (91,2 % / 68,9 %), по сравнению с российскими детьми.

Обсуждение

Исследование позволило выявить ряд универсальных и культурно-специфических особенностей развития самооценки и притязаний у десятилетних детей из России и Казахстана, обучающихся в общеобразовательных школах крупных городов.

Прежде всего, необходимо отметить универсальные возрастные особенности самооценки и притязаний десятилетних младших школьников из двух стран. Средние показатели самооценки и притязаний общих выборок младших школьников из России и Казахстана находятся в пределах возрастной нормы, однако при распределении результатов по уровням самооценки наблюдается существенное число детей из каждой страны, демонстрирующих неадекватную очень высокую (Россия – 16,3 %, Казахстан – 19,7 %) и низкую самооценку (Россия – 25,0 %, Казахстан – 19,7 %). Полученные нами результаты согласуются с данными целого ряда исследований российских и казахстанских ученых, констатирующих тенденцию к неадекватности самооценки у значительного числа младших школьников не зависящую от культурного контекста и обусловленную возрастной спецификой детей [22; 25; 29].

Кроме того, нами были установлены статистически значимые кросс-культурные различия в самооценке и притязаниях на детских выборках из двух стран. Во-первых, казахстанские дети продемонстрировали более высокие средние показатели общей самооценки и частных самооценок по значимым параметрам социального благополучия и успешности: уму, способностям, авторитету у друзей, уверенности. Данный факт коррелирует с результатами рассмотренного нами диссертационного исследования Ш. Б. Алиевой, выполненного более 25 лет назад с участием младших школьников казахской и русской национальностей, проживающих в сельской местности Казахстана. Мы разделяем позицию Ш. Б. Алиевой, согласно которой установленный факт имеет культурную детерминацию. Если Ш. Б. Алиева связывает его прежде всего с исламом как преобладающей религией в Казахстане, на наш взгляд, на современном этапе точнее говорить об обусловленности выявленного факта преобладанием коллективистской культуры в Казахстане по сравнению с Россией. Кроме того, по нашему мнению, сам механизм детерминации достаточно высокой самооценки казахстанских младших школьников связан не столько с уверенностью детей, определяемой четкой регламентацией и нормативно-

стью поведения в социуме (как интерпретировано в работе Ш. Б. Алиевой), сколько с той обратной связью, которую получают дети в виде поощрения и одобрения за свое нормативное поведение. Учитывая высокую значимость авторитета взрослого в коллективистских культурах, одобрение родителей и педагогов, вероятно, оказывают существенную поддержку для высокой позитивной самооценки казахстанских младших школьников.

Также необходимо подчеркнуть, что выявленный факт статистически значимого превышения показателей общей и частных самооценок у детей из Казахстана по сравнению с российскими детьми не соответствует закономерности, установленной в масштабных исследованиях на когортах взрослых респондентов, согласно которой показатели общей самооценки в странах Восточной Азии с коллективистской культурой ниже, чем в странах Запада с доминированием индивидуалистской культуры (D. P. Schmitt, J. Allik [2], H. R. Markus, S. Kitayama [37]). Возможно, механизмы влияния факторов культуры и в частности ценностей и нормативов коллективизма или индивидуализма на самооценку десятилетних детей и взрослых имеют свою специфику, учитывая, что самооценка – это динамический конструкт. Однако наше предположение требует дополнительной проверки.

Во-вторых, у российских младших школьников констатирован статистически значимо более высокий средний показатель притязаний по большинству параметров (характеру, уму, авторитету у друзей, красоте), а также общий интегративный показатель притязаний по сравнению со сверстниками из Казахстана. Данный факт можно интерпретировать более высоким уровнем индивидуализма и соответствующих ценностей и целевых установок в России в отличие от Казахстана. Как известно, в культурах, характеризующихся выраженными и высокими показателями индивидуализма, важными задачами воспитания является поощрение независимости, целеустремленности, конкурентоспособности [2; 3; 32], что может стимулировать российских детей к более высоким стремлениям, находящим свое выражение в уровне притязаний. Адекватность притязаний (высокий и средний уровни) существенно более выражена у младших школьников из Казахстана по сравнению с российскими учениками. Это, в свою очередь, может выступать свидетельством большей удовлетворенности и психологического благополучия казахстанских детей, поскольку у них менее выражен разрыв между показателями самооценки и притязаний. Подтверждение данного предположения требует дальнейшего сопоставления полученных показателей самооценки и притязаний с составляющими психологического благополучия и личностной тревожности младших школьников из двух стран.

В-третьих, отметим, что внутригрупповых статистически значимых гендерных различий между мальчиками и девочками из России и детьми мужского и женского пола из Казахстана выявлено не было, что коррелирует с результатами исследований Т. А. Егоренко с соавт. [17] и А. А. Гороховой с коллегами [35]. В то же время установлены высоко статистически значимые различия в

показателях самооценки и притязаний у российских и казахстанских девочек, в отличие от мальчиков, что позволяет рассматривать данную тенденцию как кросс-культурную. Если по показателям общей и большинства частных самооценок существенно опережают казахстанские девочки, то по показателям притязаний выявлена обратная ситуация. Этот факт также как и для смешанных по полу выборок можно объяснить культурной ориентацией современной России на индивидуализм и преобладанием нормативных ценностей коллективизма в Казахстане. Установлено, что у российских девочек по сравнению с казахстанскими статистически более существенно выражена низкая самооценка и в целом она характерна для значительного числа десятилетних школьниц из России (27 %) и превышает также показатели мальчиков из обеих стран. Данный факт требует профессионального внимания российских педагогов начальных классов, а также родителей девочек как основных агентов социализации и личностного развития ребенка данного возраста. Интересно, что максимальные притязания российских девочек связаны с умом (при этом данный показатель самый высокий во всей детской выборке), а казахстанских – с уверенностью в себе.

В целом установленные культурно-специфические особенности самооценки и притязаний десятилетних российских и казахстанских младших школьников могут быть учтены в системе образования и психолого-педагогического сопровождения детей. В фокусе внимания российского школьного психолога в первую очередь должна быть дети с низкой самооценкой, число которых, особенно среди девочек, существенно выше, чем среди сверстников из Казахстана. Эффективной поддержкой со стороны психолога будут индивидуальные и групповые тренинги уверенного поведения, снижения тревожности, техники позитивной самопрезентации, визуализации успехов, работы с негативными мыслями и многие другие. Эти же техники можно использовать в работе с казахстанскими детьми с низким уровнем самооценки. Также психологического сопровождения требуют дети с высокой разницей между уровнем самооценки и притязаний (в целом по общей российской выборке и особенно у девочек эта разница приближена к верхней границе нормы). В этом случае будут уместны приемы постановки реалистичных целей и объективного анализа ситуаций.

Учитель начальных классов может повысить эффективность работы психолога с указанным контингентом российских школьников педагогическими средствами: созданием образовательных и внеучебных ситуаций успеха для детей с заниженной самооценкой, системой многокритериального оценивания и другими. Также не только педагогам, но и родителям важно подчеркивать значимость не только интеллектуальных и академических достижений особенно для девочек. В отдельных случаях необходимо говорить о снижении родительского академического давления на дочерей.

В целом для более детальной и точной интерпретации выявленных факторов необходим дальнейший кросс-культурный анализ других составляющих личностного развития на выборках этих же детей.

Заключение

Изучение самооценки детей младшего школьного возраста представляет одну из актуальных проблем психологической науки, которая, несмотря на достаточное к себе внимание имеет целый ряд дискуссионных и малоизученных аспектов. В результате проведенного теоретического обзора современных психолого-педагогических публикаций не было обнаружено работ, посвященных кросс-культурному анализу специфики самооценки современных российских младших школьников при сравнении с детьми из других стран. В нашем исследовании были сопоставлены особенности самооценки десятилетних городских младших школьников из России и Казахстана.

По итогам проведенного исследования были решены все поставленные задачи и подтверждена гипотеза, согласно которой в показателях самооценки и притязаний младших школьников из России и Казахстана есть культурно-специфические особенности, детерминированные соотношением в культуре страны индивидуализма и коллективизма. Считаем, что выявленные в исследовании культурно обусловленные особенности самооценки и притязаний у десятилетних детей из городских общеобразовательных школ России и Казахстана целесообразно учитывать в системе образования и психолого-педагогического сопровождения школьников.

Перспективным продолжением нашего исследования мы рассматриваем проведение кросс-культурного анализа особенностей развития мотивационно-личностной сферы младших школьников из России и Казахстана и личностной тревожности на той же выборке учащихся, а также изучение корреляций представленных в статье показателей самооценки и притязаний со степенью выраженности тревожности и различных мотивов у детей. Это позволит охватить несколько сфер личностного развития младших школьников в кросс-культурном аспекте и сделать более детальную интерпретацию результатов.

Список использованных источников

1. Лебедева Н.В., Васильева Е.Д. Кросс-культурное исследование особенностей самооценки студентов. *Психолого-педагогические исследования*. 2023;15(1):3–20. doi:10.17759/psyedu.2023150101
2. Schmitt D.P., Allik J. Simultaneous administration of the Rosenberg Self-Esteem Scale in 53 nations: exploring the universal and culture-specific features of global self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005;89(4):623–642. doi:10.1037/0022-3514.89.4.623
3. Wang Y., Ollendick T.H. A cross-cultural and developmental analysis of self-esteem in Chinese and Western children. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2001;4(3):253–271. doi:10.1023/a:1017551215413
4. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values*. Beverly Hills: Sage; 1984. 474 p.
5. Соколов Б., Алмакаева А., Ломакин И., Минков М., Михайлова Н., Настина Е., и др. Культурные различия между 60 российскими регионами по измерению индивидуализм – коллективизм. *Социологическое обозрение*. 2025;24(1):269–299.

6. Султаниязова Н.Ж. Этнопсихологический и кросс-культурный анализ характеристик субъективного благополучия русских и казахов, проживающих в России и Казахстане. *Человеческий капитал*. 2021;1(12):170–176. doi:10.25629/HC.2021.12.18
7. Шамионов Р.М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов. *Психологические исследования*. 2014;7(35):12. doi:10.54359/ps.v7i35.626
8. Прихожан А.М. *Диагностика личностного развития детей подросткового возраста*. Москва: АНО «ПЭБ»; 2007. 56 с.
9. Andrade H.L. A critical review of research on student self-assessment. *Frontiers in Education*. 2019;4:87. doi:10.3389/educ.2019.00087
10. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Schimel J. Converging toward an integrated theory of self-esteem: reply to Crocker and Nuer (2004), Ryan and Deci (2004), and Leary (2004). *Psychological Bulletin*. 2004;130(3):483–488. doi:10.1037/0033-2909.130.3.483
11. Выготский Л.С. *Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 4. Детская психология*. Москва: Педагогика; 1982. 432 с.
12. Донскова Е.С. Взаимосвязь самооценки и уровня тревожности у детей младшего школьного возраста. *Психология человека в образовании*. 2022;4(1):41–52. doi:10.33910/2686-9527-2022-4-1-41-52
13. Копылова Н.М., Фаустова И.В., Комлик Л.Ю. Взаимосвязь самооценки и личностной тревожности у младших школьников. *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2023;4(64):16–23. doi:10.24888/2073-8439-2023-64-4-16-23
14. Ivanova N., Sorokina T. Educational environment approach to preventing the growth of school students anxiety in the transition from primary to secondary school. *Elementary Education Online*. 2020;19(1):333–342.
15. Hollenstein L., Rubie-Davies C.M., Brühwiler C. Teacher expectations and their relations with primary school students' achievement, self-concept, and anxiety in mathematics. *Social Psychology of Education*. 2023;27:567–586.
16. Herrera L., Al-Lal M., Mohamed L. Academic achievement, self-concept, personality and emotional intelligence in primary education. Analysis by gender and cultural group. *Frontiers in Psychology*. 2020;10:3075. doi:10.3389/fpsyg.2019.03075
17. Егоренко Т.А., Лобанова А.В., Радчикова Н.П. Диагностика трудностей в обучении в области социальной адаптации у младших школьников. *Психологическая наука и образование*. 2023;28(5):154–167. doi:10.17759/pse.2023280512
18. Wang Y., Huebner E.S., Tian L. Parent-child cohesion, self-esteem, and academic achievement: the longitudinal relations among elementary school students. *Learning and Instruction*. 2021;73(4):101467. doi:10.1016/j.learninstruc.2021.101467
19. Guo J., Marsh H.W., Parker P.D., Dicke T. Cross-cultural generalizability of social and dimensional comparison effects on reading, math, and science self-concepts for primary school students using the combined PIRLS and TIMSS data. *Learning and Instruction*. 2018;58:210–219. doi:10.1016/j.learninstruc.2018.07.007
20. Gao Y., Ali F. Negative self-concept: cross-country evidence of its importance for understanding motivation and academic achievement. *Education Sciences*. 2024;14(11):1203. doi:10.3390/educsci14111203
21. Yang Q., Tian L., Huebner E.S., Zhu X. Relations among academic achievement, self-esteem, and subjective well-being in school among elementary school students: a longitudinal mediation model. *School Psychology*. 2019;34(3):328–340. doi:10.1037/spq0000292

22. Гуцу Е.Г., Арусланова С.И., Рунова Т.А. Формирование адекватной самооценки у младших школьников в учебной деятельности. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023;81(2):225–229.
23. Syzdykbayeva A.D., Izmagambetova R.K., Amirova A.S., Bainazarova T.B., Sadykova M.K. Formation of primary school children self-esteem on the basis of criteria-based assessment. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021;23(7):147–169. doi:10.17853/1994-5639-2021-7-147-169
24. Ли Н. Самооценка обучающихся начальной школы в контексте комплексной оценки качества образования в Китайской Народной Республике: внедрение и требования. *Современное педагогическое образование*. 2023;3:53–59.
25. Набуова Р.А., Измагамбетова Р.К. Формирование навыков самооценки младших школьников. *Наука и реальность / Science & Reality*. 2022;2(10):63–66.
26. Ivanova N.V., Suvorova O.V. Optimization of russian primary school graduates' self-esteem in the personality-developing learning environment. *International Journal of Evaluation and Research in Education*. 2022;11(2):963–971.
27. Aghaeifar F., Nourib A., Aghaeic A. The effect of training the self-esteem on the assistance behavior of elementary school girl students. *Reef Resources Assessment and Management Technical Paper*. 2014;40(4):30–38.
28. Мустафаева С.А. Особенности поликультурной образовательной среды в формировании самооценки младших школьников. *Мир науки, культуры, образования*. 2022;4(95):133–135. doi:10.24412/1991-5497-2022-495-133-135
29. Мордакова Е.И., Смирнова К.С., Кухтерина Г.В. Проблема самостоятельности младших школьников с неадекватной самооценкой. *Педагогический вестник*. 2024;32:50–54.
30. Lent S.A., Mcdonough J.F. Gender and poverty: self-esteem among elementary school children. *Journal of Children and Poverty*. 2002;8(1):5–22. doi:10.1080/10796120220120340
31. Пирмагомедова Э.А., Нагиева А.Т., Сулейманова Г.К. Формирование самооценки детей младшего школьного возраста и факторы, влияющие на её развитие. *Мир науки, культуры, образования*. 2015;2(51):110–113.
32. Bleidorn W., Arslan R.C., Denissen J.A., Rentfrow P.J., Gebauer J.E., Potter J., et al. Age and gender differences in self-esteem – a cross-cultural window. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016;111(3):396–410. doi:10.1037/pspp0000078
33. Vijayakumari K., Soumya K. Self-esteem among upper primary school students in Kerala. *Guru Journal of Behavioral and Social Sciences*. 2013;1(1):47–52.
34. Pushpalatha N., Roopa K.S., Sairabanu D. Assessment of self-esteem among school children. *International Journal of Science and Research*. 2016;5(7):191–195.
35. Горохова А.А., Сомова Н.Л., Киричик Е.С. Исследование особенностей самооценки современных детей и подростков. *Психология человека в образовании*. 2021;3(2):128–139.
36. Becker M., Vignoles V.L., Owe E., Easterbrook M.J., Brown R., Smith P.B., et al. Cultural bases for self-evaluation: seeing oneself positively in different cultural contexts. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014;40(5):657–675. doi:10.1177/0146167214522836
37. Markus H.R., Kitayama S. Cultural variation in the self-concept. In: Strauss J., Goethals G.R., eds. *The Self: Interdisciplinary Approaches*. New York: Springer; 1991:18–48.
38. Тихомирова Т.Н., Малых С.Б. Половые различия в успешности школьного обучения математике и русскому языку: кросскультурное исследование. *Сибирский психологический журнал*. 2023;87:104–123. doi:10.17223/17267080/87/6
39. Гольберт Е.В., Толстых Л.Р. Особенности самооценки подростков, обучающихся в сельской и городской школах. *Психология и психотехника*. 2018;1:13–22.

References

1. Lebedeva N.V., Vasilyeva E.D. Cross-cultural study of the features of students' self-assessment. *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological and Pedagogical Research*. 2023;15(1):3–20. (In Russ.) doi:10.17759/psyedu.2023150101
2. Schmitt D.P., Allik J. Simultaneous administration of the Rosenberg Self-Esteem Scale in 53 nations: exploring the universal and culture-specific features of global self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005;89(4):623–642. doi:10.1037/0022-3514.89.4.623
3. Wang Y., Ollendick T.H. A cross-cultural and developmental analysis of self-esteem in Chinese and Western children. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2001;4(3):253–271. doi:10.1023/a:1017551215413
4. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values*. Beverly Hills: Sage; 1984. 474 p.
5. Sokolov B., Almayeva A., Lomakin I., Minkov M., Mikhailova N., Nastina E., Ponarin E. Cultural differences across 60 Russian regions along the individualism–collectivism dimension. *Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review*. 2025;24(1):269–299. (In Russ.)
6. Sultaniyazova N.Zh. Ethnopsychological and cross-cultural analysis of the characteristics of the subjective well-being of Russians and Kazakhs living in Russia and Kazakhstan. *Chelovecheskiy kapital = Human Capital*. 2021;1(12):170–176. (In Russ.) doi:10.25629/HC.2021.12.18
7. Shamionov R.M. Group values and attitudes as predictors of psychological well-being of Russians and Kazakhs. *Psichologicheskie issledovaniya = Psychological Research*. 2014;7(35):12. (In Russ.) doi:10.54359/ps.v7i35.626
8. Prikhozhan A.M. *Diagnostika lichnostnogo razvitiya detej podrostkovogo vozrasta = Diagnostics of Personal Development of Children of Adolescence*. Moscow: ANO "PEB"; 2007. 56 p. (In Russ.)
9. Andrade H.L. A critical review of research on student self-assessment. *Frontiers in Education*. 2019;4:87. doi:10.3389/educ.2019.00087
10. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Schimel J. Converging toward an integrated theory of self-esteem: reply to Crocker and Nuer (2004), Ryan and Deci (2004), and Leary (2004). *Psychological Bulletin*. 2004;130(3):483–488. doi:10.1037/0033-2909.130.3.483
11. Vygotsky L.S. *Sobranie sochinenij: v 6 tomah. T. 4. Detskaya psihologiya = Collected works: in 6 volumes. V. 4. Child Psychology*. Moscow: Publishing House Pedagogika; 1982. 432 p. (In Russ.)
12. Donskova E.S. Relationship between self-assessment and the level of anxiety in children of primary school age. *Psichologiya cheloveka v obrazovanii = Human Psychology in Education*. 2022;4(1):41–52. (In Russ.) doi:10.33910/2686-9527-2022-4-1-41-52
13. Kopylova N.M., Faustova I.V., Komlik L.Y. Relationship between self-esteem and personal anxiety in primary schoolchildren. *Psichologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve = Psychology of Education in a Multicultural Space*. 2023;4(64):16–23. (In Russ.) doi:10.24888/2073-8439-2023-64-4-16-23
14. Ivanova N., Sorokina T. Educational environment approach to preventing the growth of school students anxiety in the transition from primary to secondary school. *Elementary Education Online*. 2020;19(1):333–342.
15. Hollenstein L., Rubie-Davies C.M., Brühwiler C. Teacher expectations and their relations with primary school students' achievement, self-concept, and anxiety in mathematics. *Social Psychology of Education*. 2023;27:567–586.
16. Herrera L., Al-Lal M., Mohamed L. Academic achievement, self-concept, personality and emotional intelligence in primary education. analysis by gender and cultural group. *Frontiers in Psychology*. 2020;10:3075. doi:10.3389/fpsyg.2019.03075

17. Egorenko T.A., Lobanova A.V., Radchikova N.P. Diagnostics of difficulties in learning in the field of social adaptation in younger schoolchildren. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2023;28(5):154–167. (In Russ.) doi:10.17759/pse.2023280512
18. Wang Y., Huebner E.S., Tian L. Parent-child cohesion, self-esteem, and academic achievement: the longitudinal relations among elementary school students. *Learning and Instruction*. 2021;73(4):101467. doi:10.1016/j.learninstruc.2021.101467
19. Guo J., Marsh H.W., Parker P.D., Dicke T. Cross-cultural generalizability of social and dimensional comparison effects on reading, math, and science self-concepts for primary school students using the combined PIRLS and TIMSS data. *Learning and Instruction*. 2018;58:210–219. doi:10.1016/j.learninstruc.2018.07.007
20. Gao Y., Ali F. Negative self-concept: cross-country evidence of its importance for understanding motivation and academic achievement. *Education Sciences*. 2024;14(11):1203. doi:10.3390/educsci14111203
21. Yang Q., Tian L., Huebner E.S., Zhu X. Relations among academic achievement, self-esteem, and subjective well-being in school among elementary school students: a longitudinal mediation model. *School Psychology*. 2019;34(3):328–340. doi:10.1037/spq0000292
22. Gutsu E.G., Aruslanova S.I., Runova T.A. Formation of adequate self-assessment in younger schoolchildren in educational activity. *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2023;81(2):225–229. (In Russ.)
23. Syzdykbayeva A.D., Izmagambetova R.K., Amirova A.S., Bainazarova T.B., Sadykova M.K. Formation of primary school children self-esteem on the basis of criteria-based assessment. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021;23(7):147–169. doi:10.17853/1994-5639-2021-7-147-169
24. Li N. Self-assessment of primary school students in the context of a comprehensive assessment of the quality of education in the People's Republic of China: implementation and requirements. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2023;3:53–59. (In Russ.)
25. Nabuova R.A., Izmagambetova R.K. Formation of self-assessment skills of younger schoolchildren. *Nauka i real'nost' = Science and Reality*. 2022;2(10):63–66. (In Russ.)
26. Ivanova N.V., Suvorova O.V. Optimization of Russian primary school graduates' self-esteem in the personality-developing learning environment. *International Journal of Evaluation and Research in Education*. 2022;11(2):963–971.
27. Aghaeifar F., Nourib A., Aghaeic A. The effect of training the self-esteem on the assistance behavior of elementary school girl students. *Reef Resources Assessment and Management Technical Paper*. 2014;40(4):30–38.
28. Mustafaeva S.A. Features of a multicultural educational environment in the formation of self-assessment of younger schoolchildren. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2022;4(95):133–135. (In Russ.) doi:10.24412/1991-5497-2022-495-133-135
29. Mordakova E.I., Smirnova K.S., Kukhterina G.V. Problem of independence of younger schoolchildren with inadequate self-assessment. *Pedagogicheskij vestnik = Pedagogical Bulletin*. 2024;32:50–54. (In Russ.)
30. Lent S.A., McDonough J.F. Gender and poverty: self-esteem among elementary school children. *Journal of Children and Poverty*. 2002;8(1):5–22. doi:10.1080/10796120220120340
31. Pirmagomedova E.A., Nagiyeva A.T., Suleymanova G.K. Formation of self-assessment of children of primary school age and factors influencing its development. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2015;2(51):110–113. (In Russ.)
32. Bleidorn W., Arslan R.C., Denissen J.A., Rentfrow P.J., Gebauer J.E., Potter J., Gosling S.D. Age and gender differences in self-esteem – a cross-cultural window. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016;111(3):396–410. doi:10.1037/pspp0000078

33. Vijayakumari K., Soumya K. Self-esteem among upper primary school students in Kerala. *Guru Journal of Behavioral and Social Sciences*. 2013;1(1):47–52.
34. Pushpalatha N., Roopa K.S., Sairabanu D. Assessment of self esteem among school children. *International Journal of Science and Research*. 2016;5(7):191–195.
35. Gorokhova A.A., Somova N.L., Kirichik E.S. Study of the features of self-assessment of modern children and adolescents. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii = Human Psychology in Education*. 2021;3(2):128–139. (In Russ.)
36. Becker M., Vignoles V.L., Owe E., Easterbrook M.J., Brown R., Smith P.B., et al. Cultural bases for self-evaluation: seeing oneself positively in different cultural contexts. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014;40(5):657–675. doi:10.1177/0146167214522836
37. Markus H.R., Kitayama S. Cultural variation in the self-concept. In: Strauss J., Goethals G.R., eds. *The Self: Interdisciplinary Approaches*. New York: Springer; 1991:18–48.
38. Tikhomirova T.N., Malykh S.B. Sexual differences in the success of school teaching mathematics and the Russian language: cross-cultural research. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal = Siberian Psychological Journal*. 2023;87:104–123. (In Russ.) doi:10.17223/17267080/87/6
39. Golbert E.V., Tolstykh L.R. Features of self-assessment of adolescents studying in rural and urban schools. *Psihologiya i psihotekhnika = Psychology and Psychotechnics*. 2018;1:13–22. (In Russ.)

Информация об авторах:

Иванова Наталья Валентиновна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID 0000-0001-6500-7295, ResearcherID J-8030-2017, Scopus Author ID 57217603462. E-mail: ivanova30nv@yandex.ru

Суворова Ольга Вениаминовна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Российская Федерация; профессор кафедры педагогики и психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Российская Федерация; профессор кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-3977-7813, ResearcherID J-9155-2017, Scopus Author ID 57194267357. E-mail: olgavenn@yandex.ru

Шадрина Ирина Александровна – преподаватель кафедры общей и социальной педагогики Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID 0009-0004-9314-670X, ResearcherID KPA-3999-2024. E-mail: rusakova.ir2019@yandex.ru

Акпаева Асель Бакировна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры начального образования Казахского национального педагогического университета имени Абая, Алматы, Республика Казахстан; ORCID 0000-0002-4675-3177, ResearcherID G-7056-2018, Scopus Author ID 57188666090. E-mail: akpayeva@mail.ru

Лебедева Лариса Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры начального образования Казахского национального педагогического университета имени Абая, Алматы, Республика Казахстан; ORCID 0000-0003-4685-141X, ResearcherID MDS-4891-2025, Scopus Author ID 57212620957 E-mail: larissalewk@mail.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в сбор эмпирических данных, их обработку и написание статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; поступила после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 04.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Natalia V. Ivanova – Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Department of Developmental and Educational Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; ORCID 0000-0001-6500-7295, ResearcherID J-8030-2017, Scopus Author ID 57217603462. E-mail: ivanova30nv@yandex.ru

Olga V. Suvorova – Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Developmental and Educational Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Nizhny Novgorod, Russian Federation; Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation; Professor, Department of Psychology of Professional Activity in the Penal System, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; ORCID 0000-0003-3977-7813, ResearcherID J-9155-2017, Scopus Author ID 57194267357. E-mail: olgavenn@yandex.ru

Irina A. Shadrina – Lecturer, Department of General and Social Pedagogy, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; ORCID 0009-0004-9314-670X, ResearcherID KPA-3999-2024. E-mail: rusakova.ir2019@yandex.ru

Assel B. Akpayeva – Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Professor, Department of Primary Education, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan; ORCID 0000-0002-4675-3177, ResearcherID G-7056-2018, Scopus Author ID 57188666090. E-mail: akpayeva@mail.ru

Larissa A. Lebedeva – Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Professor, Department of Primary Education, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan; ORCID 0000-0003-4685-141X, ResearcherID MDS-4891-2025, Scopus Author ID 57212620957. E-mail: larissalewk@mail.ru

Contribution of the authors. The authors contributed equally to collecting and processing the empirical data, as well as to writing the article.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 11.12.2025; revised 27.02.2026; accepted for publication 04.03.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.